

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
РОССИЯ

31 ДЕК 1987

г. Москва

СОБИРАТЕЛЬ ПАМЯТИ

Народный артист СССР Е. Е. НЕСТЕРЕНКО: посвящение любимому композитору

Мы познакомились летом 1977 года. Нестеренко приехал к нам в деревню Карево, чтобы поклониться земле, где родился великий Мусоргский. В музее композитора в Наумове я и встретился с гостем из Большого театра.

За окном шумел дождь, как бы продлевая время нашей встречи, в тесной комнатке флигеля, заставленной музейной мебелью, было уютно, по-домашнему потрескивали дрова в «голландке», вспыхивали блики на рамках со старыми фотографиями бывших обитателей этой усадьбы. И все это придавало нашей беседе особую задумчивость.

В Карево деревенские жители, люди чуткие, искренние, сразу же оценили обительность и душевность Нестеренко. Пел он и в сельском клубе, и в техникуме, и на улице. Пел, когда просили. А мне сказал потом: «Надо во что бы то ни стало сохранить Карево, здесь родился композитор, и сколько бы времени ни прошло, сюда будут приезжать поклонники его таланта...»

Потом в письме Евгений Евгеньевич развивал эти мысли: «А не побеседовать ли Вам с Федором Прокофьевичем (с ним, старожилом деревни, Нестеренко вел долгие беседы. — П. Н.), он много рассказывал о Мусоргском — это все народные легенды, но ведь интересно, как отразилось его существование в фольклоре... Записывайте и других старожил, все это — бесценные свидетельства для исследователей жизни Мусоргского».

Еще в первую встречу в Наумове я понял, что Нестеренко знает о Мусоргском больше, чем работники музея.

Нестеренко терпеливо готовил меня к серьезной поисковой работе. Почему он выбрал именно меня? Ведь у него немало знакомых столичных журналистов, писателей, музыковедов... Скорее всего потому, что понимал: в этом кропотливом деле нужен человек постоянный, местный, земляк композитора. Ведь все биографы Мусоргского единодушно утверждают, что свои бессмертные произведения

композитор создавал под впечатлением «той народной жизни, тех сцен и типов», которые наблюдал на родной земле. Но пока что именно каревский, то есть najważнейший, период в жизни Мусоргского остается в биографической литературе о нем белым пятном.

В Великолукском архиве удалось обнаружить уникальные рукописные книги о земле и роде Мусоргских за три века. Эти записи вели священники сельской церкви, где крестили будущего композитора. Здесь же хранилась и главная реликвия — подлинная запись о рождении Модеста Петровича Мусоргского. Эта находка позволила выявить восемь неточностей, которые вкрались в копию о рождении, известную по всем публикациям. Сведения из рукописных фолиантов архива помогли дополнить, оживить воспоминания старожил и родственников композитора.

А Евгений Евгеньевич подталкивает дальше. «Мне кажется, — пишет он, — неплохо бы, помимо наумо-каревских иллюстраций, сделать снимки фортепиано в Волоке, ведь это единственный инструмент, о котором мы знаем, что его клавиш касались руки Модеста Петровича».

Вот еще ряд выдержек из писем Евгения Евгеньевича: «Церковь когда-нибудь восстановить, как это сделали на родине Глинки. Надо сделать раскопки на ее месте, выяснить очертания фундамента, разыскать обломки... Возможно, в Псковских архивах есть чертежи...»

«Сегодня уезжаю из Зальцбурга, где родился Моцарт. Был вчера в музее его и еще раз убедился, что у нас по Мусоргскому сохранилось больше, включая окружающую местность, надо только все это сохранить».

«После Италии был в Новосибирске... пел отрывки из «Бориса» с оркестром Новосибирской филармонии, потом встреча в консерватории и выступление на заводе, теперь сижу с бронхитом... О нашем деле не забываю... Памятник Мусоргскому готов, а с местом все тянут».

Вспомним историю. В поста-

новлении об утверждении списка памятников великим людям от 14 апреля 1918 года, подписанном председателем Совета народных комиссаров В. И. Лениным, имя М. П. Мусоргского в числе композиторов названо первым. Однако, как писал Нестеренко, «у нас до сих пор нет ни одной улицы имени Мусоргского ни в Москве, ни в Ленинграде. Ни один оперный театр не носит его имени, нет ни одного памятника, нет даже мемориальной доски... А в Милане хотя бы одну из улиц назвать «виа Мусоргский»...»

В каждой поездке за границу Нестеренко неутомимо разыскивает материалы о Мусоргском, старается раздобыть что-нибудь для музея. Он уже передал ему в дар бесценные экспонаты: пластинки, буклеты, афиши, фотографии с автографами... В Англии Евгений Евгеньевич специально встретился с Д. Лойд-Джонсом и выпросил для музея Мусоргского клавир «Бориса Годунова» с автографами... Из Италии от главного художника театра «Ла Скала» Н. Велуа привез эскиз к опере «Борис Годунов», из Дании, от художницы Кристен Хост, — аппликацию «Рассвет на Москву-реке». В главном зале Музея Мусоргского стоит белый рояль, привезенный в Наумово по инициативе Нестеренко.

«Надо развивать музей, нельзя упустить время, — писал Нестеренко, — перед Мусоргским и так в долгу... Болею я за каревские места — места-то святые. Болею за них, думаю о них...»

Как показали находки в Великолукском архиве, русская деревня Карево стала колыбелью гениальной чуткости Мусоргского, который, как Достоевский в литературе, стал певцом униженных и оскорбленных в музыке. Об истоках милосердия, благородства, порядочности убедительно написал Нестеренко в своей книге «Размышления о профессии», посвященной памяти его учителей. Книга прекрасная. Непонятно, почему наша критика обошла вниманием столь интересную в общечеловеческом смысле исповедь человека благородного, разносторонне развитого, с отзывчивой,

трепетной душой. Почему исчезла из программ телевидения интересная передача о классической музыке, которую с таким вдохновением вел Нестеренко?

...В последних письмах Евгений Евгеньевич делится новостями: «Через час надо уезжать в аэропорт, лечу в Вену, буду петь в «Русалке» Дворжака...».

«Сейчас только, в самолете, дочитал «Кануны» Василия Белова. Книга произвела огромное впечатление не только своими художественными достоинствами, но и своеобразной, свежей и исторически мудрой точкой зрения на события 20-х годов в русской деревне. Не написал ли он продолжение? Много, очень много правды в этой книге...»

Такие писатели, как Василий Белов, очень близки Евгению Евгеньевичу прежде всего потому, что они упорно борются за духовную высоту современного человека.

За сохранение нашей духовной культуры сражается и Нестеренко.

В мировой печати Евгения Нестеренко называют «королем басов». За создание образа Бориса Годунова в одноименной опере Нестеренко удостоен Ленинской премии, а также награжден итальянской медалью «Золотой Виллоти». За пластинку «Песни Мусоргского» он удостоен двух наград: «Грамми» (высший приз Национальной академии грамзаписи США) и «Золотого диска», присужденного фирмой «Мелодия».

И все же самое почетное «звание», на мой взгляд, певец получил от земляков Мусоргского — душа-человек. Пелагея Филипповна Синякова, певшая в детстве и юности на клиросе в церкви, где был крещен Модест Мусоргский, любит повторять: «У Жени душа поет». Поразительно, что ту же мысль, но другими словами высказала замечательная певица Елена Образцова, которая считает, что у Нестеренко «каждая нота, каждое слово согреты внутренним теплом».

Н. НОВИКОВ.
Великие Луки.